

3 ІСТОРІОГРАФІЧНОЇ СПАДЩИНИ

Н. И. Костомаров

Мазепинцы *

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Деятельность Орлика за границею.—Его письма к европейским дворам.—Попытки образовать и утвердить военный союз против России.—Орлик в Бреславле.—Посылка в Турцию, к хану крымскому и к запорожцам.—Послание Орлика, возбуждающее запорожцев против России.—Попытка Орлика примириться с царем.—Письмо Орлика к митрополиту Стефану Яворскому.—Орлик в Салониках.—Безкоролевье в Польше по кончине короля Августа II.—Попытки возвести на польский престол Станислава Лещинского.—Орлик у крымского хана.—Неудачные старания выдвинуть украинский вопрос в ряд политических вопросов европейской политики.—Новое послание Орлика к запорожцам.—Ответ запорожцев.—Последки эмиграционных интриг.—Орлик во Франции.—Мирович и Нахимовский в Крыму.—Предположение гетмана Разумовского о мерах против эмигрантов.—Эмиграционное движение испаряется.

Орлик, оставаясь некоторое время в Швеции, продолжал трудиться над своею идеею и успел было убедить шведское правительство приложить старание об образовании военного союза европейских государств вместе с Швециею против России. На самую Швецию, однако, плоха была надежда малороссиянам, так как предварительные условия мира с Россиею беспрестанно составлялись и переставались, и, между прочим, царь соглашался, чтоб с обеих сторон последовала амнистия, но требовал изъятия из нее малороссийских изменников, ушедших из Турции за шведским войском, и шведы на то уже соглашались. Дела клонились к более или менее близкому заключению мира между воюющими сторонами. Орлик, пытаясь во что бы то ни стало не допустить этого, осенью 1720 года отправился из Швеции в Германию и сначала поместился в Ганновере. Оттуда, от имени шведского правительства и от своего имени, он отправил письма к английскому королю, с предложением военного союза против России. Англия, недавняя еще союзница русского царя, теперь становилась враждебною политическому могуществу России: успех морского дела в этой державе беспокоил ее. Из Ганновера Орлик в ноябре того же года прибыл в Бреславль и оттуда отправил Федора Нахимовского с письмами к хану крымскому, к силистрийскому сераскиру ** и к запорожцам; последних утешал он известиями о военном союзе европейских держав против России с целью доставления независимости Украине ¹.

* Закінчення. Початок див.: Укр. іст. журн.—1990.—№ 8, 10—12, 1991.—№ 1.

** Йдеться про головного начальника турецьких військ у згаданій фортеці, яка була розташована на правому березі Дунаю (на території Болгарії).

¹ Письмо Орлика к запорожцам.

Мои zelo милостивые приятели и братья пане кошовый и все старшее и меньшее войска запорожского низового товариство.

Лист ответный от ваш мостей добрых молодцов милои братья нашей чрез пана Федора Нахимовского до мене писанный благодарственным и радостным сердцем принял я еще будучи в Швеции в городе Стокгольме при стороне его королевского величества шведского, з которого то листу когда уведомился о добром ваш мостей добрых молодцов милои братии моей здоровью, счастливом их поведении и о непре-

Но бедный Орлик не понимал еще, как видно, что его дурачили, что во всех дипломатических предположениях, которыми его тешили, не было правды. Не прошло и года, как Орлик на опыте узнал это. Швеция помирилась с Россией окончательно. Тогда Орлик прибегнул к иного рода попытке: он испробовал, нельзя ли помириться с царем, и обратился с письмом к архиепископу рязанскому Стефану Яворскому*, хотя всегда верному царю, но истому малороссиянину, страстно любившему свою родину с ее народом.

Письмо это доставлено было чрез посредство голштинского посольства и оставлено без последствий для Орлика, но оно сохранилось

мной ко мне приязни, благодарение Господу Богу всемогущему воздал я и несподобно утешился, что меня в далекую сторону для дел публичных и общей пользы вашей также всего народу малороссийского пользы в посторонний край полуночный удалившагося в благоприятном своем сердце, любви, приязне и памяти незабвенной ховаєте, и яко себе притомнаго за вождя своего голосами вольными от себе избранного узнаете. Таковую тогда от ваш мостей добрых молодцов правдивую любовь и приязню побужденный, стараемся усилне о отпуске из Швеции у королевского величества, чтоб я мог там к ваш мостям добрым молодцам милон братии моей зближитися, як и у розных монархов, наипаче тих, которые с Королевством Шведским союзом военным против Московского государства совокупились и соединились неусыпное мое старание о общей пользе ваш мостей добрых молодцов милон братии моей и о высвобождении всего народу малороссийского старание приложити, ажко и упростише у королевского величества шведского причинных за собою листов и за ваш мостями добрым молодцами до царского величества христианского, до королевского величества английского, до королевского величества польского, также до блистательной Порты Оттоманской, до наияснейшего хана его милости и до иных, выехал счастливо из Стокгольма 11 октября и преправившись с Божиею помощью чрез море и прибывши в Немецкую землю поотсылал те все письма при мних листах до наияснейших монархов христианских, одни из Ганновера дедичного княжения королевского величества английского, а другие отсель из Шленска из Города Бреслауля, где прибыл я настоящего года 8 ноября до наияснейшей Порты Оттоманской лист причинный королевского величества шведского и до наияснейшего везира при себе еще держал, ожидая на лист причинный также от королевского величества английского до наияснейшей Порты Оттоманской, который когда отберу не омедлю с ним и с листами королевского величества шведского отсель туда куда надлежит поспешати, а теперь посылаю пред собою Федора Нахимовского с листами королевского величества шведского до наияснейшего хана крымского его милости и сераскира силистрийского в Хотеню пребывающего и до ваш-мостей добрых молодцов братии милон, о чом и до всех тих монархов ко христианских як и до Порты Оттоманской и до хана его милости изволил королевское величество шведское за моим старанием и прошением причине свои в делах наших писати листы, также какие я подал до покоя придучого пункты до вписания оных в инструкцию королевского величества шведского послам его величества полномочным о Украине по обем сторонам Днепра обретающейся, какие монархи с Швециею военный союз учинили против Москвы какия чинятся приготовления и с какими силами на войну которая даст Бог сего лета отворится, и о иных всяких поведеньях публичных донесет ваш мостям добрым молодцам милон братии моей словесно Нахимовский, которому во всем изволте ваш мости добрые молодцы милон братия моя поверити и оному всякую помощь учинити, чтоб безопасно мог с теми всеми листами королевскими и моими до хана его милости доехати, а оттоль возвратясь до паши силистрийского его милости Хотенского перебраться, где для пересылки листов имеет на резиденции от мене заставити ним я к ваш-мостям добрым молодцам милон братии моей соединюся. Прошу только ваш мостей добрых молодцов милон братии моей абyste в хвалебном своем предвзятии статечне и постоянное знайдучися на жадные московские прелести и неподлинное надеяние ушей своих не преклонили, и сердце свое мужественное от оных отвращали. зде же если бы не дай Боже неприятель прелестми своими ваш мостей добрых молодцов милон братии моей войско запорожское уловил и до своей стороны и соединения потянул, то подлинно бы народ весь погубили в вечную неволю оных и самых себе отдали и перед целым светом недостаток свой показали, чего яко нигде по ваш мостях добрых молодцах войску запорожскому милон братии моей несподобуюся так им же желаю доброго от Бога здоровья и счастливого повожения. Ваш мостям добрым молодцам милон братии моей всего добра зичливый приятель и брат Филипп Орлик гетман Войска Запорожского. Дан в Бреславле 1721 року января 11 дня. (Маркевич, IV, 352).

* Тут говориться про українського і російського церковного діяча, письменника-полеміста Яворського Стефана (до постригу — Симеон; 1658 — 27.XI. 1722). Народився в м. Яворові (тепер Львівської області). Вчився і був професором у Києво-Могилянській колегії. В 1700 р. висвячений на митрополита рязанського й муромського. В 1702 р. призначений екзархом і блюстителем всеросійського патріаршого престолу, а з 1721 р. — президент Синоду.

в делах Государственного Архива, как драгоценнейший источник для истории мазепинской эпохи. В нем Орлик излагает довольно подробно как зародилась и как развивалась у гетмана Мазепы мысль изменить царю Петру и перейти на сторону врагов его. Во многих чертах это письмо представляет сходство с показанием Войнаровского, и это придает им обоим достоинство достоверности. Орлик и Войнаровский были люди близко стоявшие к Мазепе и к делам, совершавшимся в Украине в оное время. Но письмо Орлика драгоценнее показания Войнаровского, как по сравнительно большей подробности излагаемых событий, так и потому, что Орлик находился в более независимом положении, когда писал свое письмо, чем Войнаровский, дававший свое показание, находясь под стражею.

Когда по заключении Россиею вечного мира * со Швециею и Турциею не представлялось долго возможности устраивать против России козни, Орлик ушел во Францию, потом очутился в Турции и поселился в Салониках. Он выжидал времени, когда можно будет снова явиться в политический мир с украинским вопросом. Он таки дождался, что в европейской политике настали осложнения **, среди которых возможно было в мутной воде ловить рыбу. Франция, вместе с Испаниею, тесно привязанною к Франции династическими интересами, находилась в открытой войне с Германскою империею. Омрачался политический горизонт и на севере. Умер польский король Август II. Явилась в Польше немалочисленная партия, желавшая возвратить корону Станиславу Лещинскому. Она себе находила опору во Франции.

Французский король был в супружестве с дочерью Станислава Лещинского и стал поддерживать оружием своего тестя. Это поставило Францию во враждебное положение с Россиею, которая в Польше поддерживала другого кандидата на польский престол — саксонского князя-избрателя ***.

Европа разделялась на два враждебные стана: в одном была Франция с Испаниею, а к ним по старинным симпатиям примкнуть готовы были Швеция и Турция, в другом — Россия, Германская империя, Дания, Голландия, Англия. Польша наполовину была на той, наполовину на другой стороне. Среди таких сложных вопросов удобно казалось воскресить вопрос об отторжении Украины от Московской державы и об образовании из нее отдельного самобытного государства. И вот Орлик, проживавший в Салониках, едет к крымскому хану в его летнюю резиденцию в Каушаны (в Бессарабии) и оттуда посылает в Сечь воззвание, гласившее, что пришло время не пожалеть жизни для освобождения Украины и всего малороссийского народа из-под московского ярма ². Он сообщал, что теперь настало самое благоприятное к тому время, какого не скоро придется дожидаться. Французский король, могущественнейший из всех христианских государей, в соединении с испанским королем и с сардинским, одерживает победы над цесарскими войсками в Италии и на Рейне, и уже цесарское величество не в силах обороняться, а тем более не может подавать помощь союзной с ним Москве, находящейся под угрозою враждебных действий и со стороны Турции ³. У них есть еще надежда на помощь Англии, Голландии, королей датского и прусского, на князя баварского

* Мається на увазі трактат про вічний мир, укладений 30 серпня 1721 р. у Ніштадті (Фінляндія). Ніштадтський мир відкрив Балтійське море для російської зовнішньої торгівлі, що відповідало інтересам країни.

** Те саме, що ускладнення.

*** Йдеться про Августа III Саксонського (17.X. 1696 — 5.X. 1763) — польського короля і саксонського курфюрста з 1733 р.

² Не только жития, але и последней крови капли не жаловати для вызволения той же отчины своей от тяжкого и тиранского подданства московского («Киевск. Стар.» 1882 г., апр., С. 108).

³ Там же (Процитований у виносі уривок знято, він переказаний у тексті.— Ю. П.).

и других имперских князей; все эти государства, видя богопротивные поступки цесаря и Москвы, не расположены помогать им в войне, чтоб не навлечь на себя гнева Божия за пролитие неповинной крови⁴. Орлик извещал запорожцев, что в Польше и в Литве уже все воеводства, земли и поветы поднялись за Станислава, своего избранного короля, и войско польское и литовское поражает повсюду Москву. Уже и Швеция с своей стороны готовится к военным действиям против Московской державы, вступивши в союз с французским и польским королями; Оттоманская Порта держит наготове свои неисчислимы войска, а хан крымский уже двинул свои орды к польским пределам⁵.

В такое-то удобное время,—укорял запорожцев Орлик,—войско запорожское допустило увлечься коварными обещаниями своих давних заклятых неприятелей⁶.

Далее в своем послании Орлик припоминал запорожцам всякие неприязненные поступки московского правительства против них, достаточно показывающие, что не следует ни в чем доверять такой власти, вспомнил и разорение Сечи в 1709 году, и казни запорожских старшин и товарищей, попавшихся в беду чрез то, что поверили обещаниям царской милости; не забыл помянуть построения крепости в Каменном Затоне и самарских городков с лживыми уверениями, будто эти городки строятся только на время войны против татар и турок, с целью хранения боевых и продовольственных запасов для войска, а по окончании войны будут скрыты; вспомнил и о том, как во время шведской войны зазывали на службу не мало низового товарищества, потащили их в Петербург и развели на каторжные работы, от которых они все погибли. Указывал, наконец, Орлик на пример Украины: не послушалась она доброжелательных и правдивых предостережений покойного своего гетмана Мазепы, а поверила более московским уверениям в грамотах, подписанных царскою рукою и читанных по церквам, где, призывая во свидетельство Бога, уверяли Войско Запорожское и весь народ малороссийский, что все люди войсковые и посполитые будут пользоваться такою свободою, в какой пребывали их предки во времена славной памяти гетмана Богдана Хмельницкого⁷. Но по окончании шведской войны московское правительство так сдержало свои клятвы и обещания: упразднило в Украине гетманскую власть и вместо нее учредило коллегію, набравши из своего народа двенадцать мучителей, которые совершали над украинским народом неслыханные мучительства, а когда генеральные особы обратились к царю с жалобою через своих послов, то их всех потащили в Петербург, одних в ссылку заслали, других в тюрьму засадили⁸. Здесь, конечно, в посла-

⁴ ...все тии королевства и панства видячи же цесарское величество и Москва неслухне и непаляже, а до того и богопротивне на права и волности Речи-Посполитой Польской до себе ни в чим не належачой гвалтовно наступуют, в чужом панстве владеи хотят и вольными голосами от всех едностайне наияснейшого короля Станислава за пано обраного законно з королевства польского вызути усилюют — не хотели и не хотят цесарскому величеству и Москве з войне за их стороны неправедной до-помогати: жебы за тое Богу не отповедали и за пролитие крови неповинной помсты от себя з неба не натягнули (109).

⁵ Там же.—С. 110.

⁶ В тот час теды так погодный, так счастливый, так помыслный и так до ратованя отчизны способный, далисте вашмошт добрии молодци Войско Запорожское увести известись московскими хитрыми и прелестными обетницами, которых яко редко кому додержуют, так и ваш-моштем добрым молодцам, Войску Запорожскому, тим барзей не додержать, ним барзей им и всему нашему народу от давних часов головными суть неприятельми (Там же.—С. 110).

⁷ Там же.—С. 111—112.

⁸ Як скоро з шведами тая ж Москва войну скончила и покой с ними потвердила, так зараз обетницы свои поприсяжные и грамотами царскими отверженные отменила, вольности все поломала, суд и права свои мучительские в Украину впровадила и установила, з наши войсковие знесла, уряд гетманский отстановила и искоренила, коллегіум якоесь свое з 12 народу своего особ, а барцей з 12 окрутных мучителей зложеннос в Глухове утвердила, которые як людей наших з худоб здирали одному з другим на едине розмовляти не позволяли, тиранско мучили, кнутовали,

нии Орлика идет речь о наказном гетмане Павле Полуботке и о его товарищах, но Орлик, живучи вдаль, не мог знать в точности, как происходили события,— и делал ошибки. Так, в числе пострадавших с Полуботком он считает миргородского полковника Апостола, хотя тут же поминул его недобрым словом, назвавши клятвopеступником за переход от мазепиной стороны на царскую сторону⁹, Орлик не знал того, что этот человек после возвращения от Мазепы к царю находился постоянно в чести и доверии у верховного правительства, а потому и достиг гетманского звания*. Далее Орлик в своем послании припомнил и то, как московское правительство посылало десятками тысяч малороссиян на земляные работы и множество их поморило непомерным трудом и дурною пищею, желая, по толкованию Орлика, не только обезсилить, но и выгубить все Войско Запорожское¹⁰. Уверая в справедливости своих слов, Орлик ссылался на тех из запорожцев, которые были самовидами всего этого и могут подтвердить все сказанное им¹¹. Возможность примирения и дружбы с Московскою державою признавались Орликом только тогда, когда бы эта держава оставила неприкосновенным гетманский сан в Украине, предоставляя вольному избранию как этот сан, так и прочие чины, не навязывала бы Войску Запорожскому в начальство каких-то москалей, волохов, сербов и перекрестов, не отзывала бы козаков от их служебных обязанностей посылкою их на тяжелые работы, возвратила бы под гетманскую власть города и села, розданные чужеземцам, изыла бы от постоя своих войск малороссийские города, кроме Киева, Чернигова и Переяслава, не вмешивалась бы отнюдь в права малороссийские, не учреждала бы своих судов, карающих малороссиян смертною казнью, отнятием имуществ, тяжелыми поборами. Запорожцы, вступая под власть Московской державы, всего этого не вытребовали от нее в условиях, следовательно и не могут ожидать себе ничего хорошего под московскою властью. Притом, в московских владениях и Сечи основать уже негде: край на левой стороне Днепра, в тех местах, где прежде были старые запорожские угодья, Москва уступила в область турецкую и татарскую по реку Орель, а на правой стороне Днепра Москве не принадлежит уже ни одной пяди земли, кроме Киева, Триполья и Василькова; даже и то место, где находилась старая Сечь, отошло от ней навеки. Негде Московской державе приютить запорожцев, и уж она наверное не станет заводить войны с турками и татарами, чтобы завоевать земли, лежащие по Днепру, для поселения там запорожцев; напротив, еще будет довольно, когда имя Войска Запорожского исчезнет с берегов

на страстку тянули, ребра ломали; як свиней повязавши на жару пекли, смолоу кипячою поливали, вешали, стинали, чвертовали и оные многие мучительства в свете неслыханные над народом нашим пополнили! И когда енеральные особы, полковники, и вся старшина зо всем Войском Запорожским городовым и зо всем народом до царского величества покорне и слезне чрез послов своих о захованьи прав и вольностей своих и о додержании слова царского упевнения и обетниц грамотами подтвержденных супликовали и упоминалися, теды, всех их забравши и до Петербурга под вартою запровадивши едних помученно, других в ссылку на выгнание позасилано, а иных в тяжком вязеном осажено (Там же.— С. 112—113).

⁹ В яком (тюремном заточении) мусил килка лет страждати и сам кривоприсяжца и отступник наш небожчик, миргородский полковник Данило Апостол, любодобре барзо Москве прислужился, злававши присягу свою, отступивши от нас на сторону противную (Там же.— С. 113).

* Справді, Апостол Данило Павлович під час розгляду справи, пов'язаної з діяльністю П. Л. Полуботка, був викликаний до Петербурга і зобов'язаний перебувати там безвизно. Згодом одержав дозвіл повернутися на Україну і в жовтні 1727 р. був обраний гетьманом Лівобережної України.

¹⁰ ...Хотяжи Москва Войско Запорожское городовое не только обезсилити, але и выгубити, вынайшла была на тое способ — копанье якогось там в далекой своей стороне каналу и фундоване в Персии фортець, на якие месца, так одлеглие по килька-десять тысячей козаков указами своими спровадивши, едних тяжкими и незвычайными работами помордовала, других голодом поморили, а иных борошном гнилым струхлым з ящурками и з вапном помешанным потруили (Там же.— С. 113).

¹¹ Там же.

Днепра, чего давно уже хотел царь Петр Алексеевич¹². За невозможностью поселить запорожцев в приднепровских странах, Московская держава переведет их куда-нибудь за Волгу, и тогда уже ни турки, ни татары, ни ляхи не захотят подавать им помощи к освобождению¹³.

Оканчивая свое послание, Орлик счел нужным сообщить запорожцам, что, проживая двенадцать лет в Салониках, он не сидел сиднем без дела, а вел письменные сношения и заручился обещаниями королей: французского, шведского, польского, Оттоманской Порты и крымского хана помогать в деле освобождения Украины¹⁴.

Красноречие Орлика не подействовало. Запорожцы в письменном ответе ему выставили на вид разные недавние выходки татар: как они угоняли у запорожцев стада овец, табуны лошадей и невозможно было добиться управы в татарских судах, вспомнили, как ногаи присваивали себе степное пространство, которым с незапамятных времен пользовались одни запорожцы для пастбищ, но более всего упрекали татар за ловлю людей русских в ясыр, что препятствовало запорожцам быть заодно с татарами¹⁵. Они с своей стороны советовали Орлику, по примеру других, просить милости и прощения у государыни, в надежде, что она оставит его при давних угодах и маетностях¹⁶.

В таком смысле ответ отправлен был и к крымскому хану Каплан-Гирею с изложением разных несправедливостей от татар¹⁷.

Хотя возбуждения Орлика не подействовали тогда на запорожцев, мы не имеем данных указать, насколько в Украине в то время была живучею идея независимой Гетманщины, но есть доказательства, что в верхних слоях, как российского правительства, так и дворянского сословия, существовало опасение, что при первой возможности казачья Украина заявит поползновение освободиться от московского господства. Представители иноземных дворов, бывшие свидетелями эпохи восшествия на престол Анны Ивановны, в своих депешах сообщали, что такое опасение было одною из главных причин, почему шляхетство не захотело ограничения самодержавия в Российском государстве¹⁸.

Эти сношения между Орликом и запорожцами происходили в то самое время, когда запорожцы покидали свой приют в Алешках на земле Крымского ханства, где поселились они после разорения их последнего гнезда в русских пределах близ устья Каменки. Теперь они вели переговоры с генералом Вейсбахом о переселении в державу Российского государства. Орлик пытался всеми мерами удержать запорожцев в ханских владениях, надеясь иметь в них постоянное орудие вражды против России¹⁹.

¹² Певне Москва не схощет вас, ани з турками, ани з татарами за тие земли по обоим сторонам Днепра застаючия войны провадити, овшем рада будет жебы и имени там никогда Войска Запорожского низового не было, яко тое был уже постановил небожчик государь царь Петр Алексеевич, тилько чекал докончения войны з шведами (Там же.— С. 115).

¹³ Не могучи вашмостей добрых молодцов Войска Запорожского нигде по обоим сторонам Днепра осадити, исполнит латво давнее свое намерение и неприязненные замыслы, и забравши вашмостей добрых молодцов Войско Запорожское занесет их за Волгу реку и искоренит тим самым в вечные часы и гнездо войсковое и имя Войска Запорожского низового. До кого прето на потим в таковом своем несчастьи в оборону удастся? Певне ани турки, ани татары, ани ляхи дале не схотят вас приняти, охороняти и оборонити, видя ваш теперешний, так безчестний и так сромотний нестаток (Там же.— С. 116).

¹⁴ Там же.— С. 116 (Цитату з документа опущено, її зміст автор виклав у тексті.— Ю. П.).

¹⁵ Там же, с. 120.

¹⁶ Там же, с. 121.

¹⁷ «Киевск. Стар.» 1882 г., апрель, ст. Скальковского: «Филипп Орлик и Запорожцы», с. 122—124.

¹⁸ La Russie et les russes par Tourgeneff, t. 1, С. 278.

¹⁹ Истоп. Нов. Сечи Скальковского. II, С. 32—54.

Надежды Орлика и его партии опять ни в чем не осуществлялись. Запорожцы перешли весною 1734 года в пределы российские, zaloжили Сечь на реке Подпольной, вблизи прежнего своего пепелища, и послали Орлику письмо, в котором объявляли себя верными подданными русской государыни, и просили уже более не писать к ним ²⁰.

Не вспыхнуло европейской войны в том виде, в каком желательно было мазепинцам для их видов; не утвердился Станислав Лещинский на польском престоле, не помог ему зять его, французский король, которого малороссияне считали могущественнейшим государем между всеми христианскими государями; не удалось поссорить Швецию с Россией. Более надежды, казалось, было на Турцию; и действительно, вскоре началась война, прославившая имя Миниха *. Орлик на этот раз хотел сюда связать украинский вопрос и опять попытался в 1739 г. послать в Запорожье послание, в котором представлял, что он принес присягу избавить Украину от мучительства московского; упрекал запорожцев за то, что они отступили от него, избранного вольными голосами гетмана, и отдалась под протекцию неприятной Москвы; выражался, что они тем змею у себя на груди пригнали и отчизну свою и самих себя погубили, что они не жалеют несчастной своей матери Украины, не трогаются воплем матерей, отцов, сестер и братьев своих; извещал, что на немировском конгрессе **, куда съезжались уполномоченные воюющих держав рассуждать о мире, русские послы называли запорожцев плутами и ворами, которые, верно не служа ни русским, ни полякам, ни туркам, только производят нарушение мира между соседними державами. Орлик уверял, что у российского правительства есть намерение взять за караул кошевого атамана и с ним всех старшин сечевых, всех же остальных запорожцев оставить на произвол турок и татар; хотят — всех истребят, хотят — всех в неволю заберут. Таким образом окончательная гибель угрожает козачеству ²¹.

Эта грамота послана была генерал-фельдмаршалу Миниху, не только не бывши прочитанною, но даже распечатанною.

Воротившись в прежнее отечество, запорожцы на первых порах вели себя самым одобрительным образом. Они деятельно участвовали в войне против турок и помогали Миниху в его славных подвигах ²².

Орлик с своим малочисленным кружком эмигрантов не мог помешать заключению белградского мира ***, прекратившего войну России и Австрии с Турцией. Вопрос украинский не выступал тогда на сцену. Тогда уже можно было видеть, что он был вычеркнут из ряда вопросов европейской политики.

Только, так сказать, последушки прежнего проскальзывали еще некоторое время, но то были искорки, не дававшие ни света, ни огня настолько, чтобы для всех быть заметными и жгучими. В 1757 году резидент русской государыни при варшавском дворе проведаль, что в Крыму близко ханской особы проявились два малороссийские эмигранта — Федор Мирович и Нахимовский. Они сообщали бригадиру фран-

²⁰ ... Не изволите больш до нас писати, занеже естесмо уже Ея императорского величества мы Войско Запорожское слуги, а не гханские, которой имеем до живота от рода в род служить и за счастливое Ея владение и всего посполитого христианского народу становитися. (Истор. Нов. Сечи Скальк., II, С. 62; «Киевск. Стар.» 1882 г., апр., С. 121).

* Идетяся про російсько-турецьку війну 1735—1739 рр. Під час цієї війни російськими військами в Криму і Бессарабії командував граф, генерал-фельдмаршал Мініх Бургард-Крістоф (9.V. 1683—27.X. 1767). За походженням німець. У Росії з 1721 р.

** Маються на увазі переговори між Росією і Туреччиною 1737 р. у Немирові. Спроба досягти на них миру закінчилася невдачею.

²¹ Соловьев, т. XX.—С. 154—155.

²² Истор. Нов. Сечи Скальковского, II, с. 95—109.

*** Мова йде про Белградський мирний договір, що завершив війну Росії в союзі з Австрією проти Туреччини 1735—1739 рр. За цим договором Росія повернула собі Азов і закріпила за собою Запоріжжя.

цузской службы Орлику²³, что из Запорожской Сечи приезжало к хану посольство под видом торговых дел с целью изъявить хану о желании запорожцев перебраться в ханские владения, потому что запорожцы были недовольны постройкою московской крепости на урочище Микитином Роге, поставленной на земле, которую запорожцы издавна уже привыкли считать своею неприкосновенною собственностью. Нахимовский и Мирович говорили с запорожскими посланцами и старались усилить неприязненные чувства к России²⁴. Москаль,—говорили они,—вас, запорожцев, совсем окружил своими крепостями и словно вас под караулом всех держит, а земля, на которой он строит свои крепости, не его земля, а ваша, запорожская, дарованная вам когда-то польскими королями; границы же московской земли доходят только до Севска, а никак не до Ингула и Ингульца.

Тогдашний малороссийский гетман Разумовский* получил об этом известие из Петербурга разом с высочайшим рескриптом, повелевавшим иметь осторожность на счет лиц малороссийского происхождения, проживавших в Крыму, в Молдавии и в Польше. По этому поводу Разумовский писал графу Воронцову, что в Малороссии все спокойно, и только каких-то двое или трое бездельников, живущих в Крыму, по давней связи своей с этим краем, «будучи заражены старинными мыслями, по старинному пишут и рассуждают, забыв то, что Украина после того времени, можно сказать, что совсем переродилась, и совсем не то правление, не такие правители, не те, почитай, люди и, следовательно, не те уж и мысли в них пребывают».

В заключение всего гетман находил, что «можно сих плутов оттуда украсть или каким способом истребить», но не ручался за успех, а только изъявлял, что с его стороны в этом деле «старание удобовозможное употреблено будет».

Таким образом орган верховной власти в Малороссии готовился прибегнуть к таким мерам против преступников, которые были нравственно преступнее того, что признавалось государственным преступлением. Впрочем, гетман Разумовский не брал на себя совершения такого дела иначе, как только тогда, когда получит разрешение и повеление свыше. «Сие дело,—выражался Разумовский,—как весьма деликатное и требует политического размышления, то я собою отнюдь действовать не дерзаю, ежели мне не повелено будет свыше, а вам, яко другу моему, мое мнение открываю для единственного вашего знания. Я хотел было о сей материи письмо писать к персоне ее императорского величества с представлением моего мнения, только поудержался с тем. Ежели вы рассудите, что сие будет не лишнее, то и тогда можно будет сие сделать. И так, вас прошу при первой оказии дать мне знать, что вы о сем думаете; а здесь все жестоко злятся на сих пребывающих в Крыму бездельников, яко рушителей здешнего покоя наведением на сей край подозрения и сомнения о верности той, которую все единодушно к ее императорскому величеству имеют»²⁵.

На это письмо Воронцов отвечал так:

«...На своеручной вашего сиятельства Р. С. чрез сие имею честь донести, что хотя весьма желательно б было, дабы известные два зло-

²³ Ист. Росс. Соловьева, т. XXIV.—С. 156. Этот Орлик, вероятно, был сын Филиппа. Едва ли можно допустить, что здесь идет дело о самом Филиппе. Так как он в 1707 году состоял уже генеральным писарем, то в описываемое время если был еще жив, то был уже очень стар. (Зауваження М. І. Костомарова цілком обґрунтоване. Справді, П. Орлик помер у 1742 році. Йдеться про його сина Григорія Орлика (1702—1759), який намагався схилити уряд Людовіка XV до боротьби проти Росії. Г. Орлик служив у французькому війську, дістав титул графа і чин генерала.—Ю. П.).

²⁴ Ист. Росс. Соловьева, т. XXIV, с. 156.

* Мається на увазі останній гетьман України Кирило Григорович Розумовський (18.III. 1728—3.I. 1803). Перебував на посаді гетьмана в 1750—1764 роках, тобто до часу ліквідації гетьманства на Україні.

²⁵ Архив кн. Воронцова, т. IV, с. 383.

деи, находящиеся в Крыму, могли каким случаем истреблены или украдены быть, но как сей способ есть весьма ненадежный, к тому ж и может за собою неприятные следствия нанести, я думаю, что лучше б было совсем в презрении оставить, толь более, что никакого опасения от их каверз иметь не можно и они уже престарелые люди и скоро в гроб пойдут»²⁶.

Впрочем, канцлер Воронцов советовал сделать об этом донесение императрице, но «единственно для показання тем вашего усердия и ревности к службе», уверяя гетмана, что «оное предложение не инако, как весьма приятно здесь принято быть может»²⁷.

Кроме этого, нам не встречалось более находить признаки деятельности мазепинцев. Не знаем, где и когда окончили дни свои последние поборники идеи независимой Гетманщины. По всему видно, что эта идея, высиженная всею предшествующею историею Гетманщины и в последнее время брошенная в омут политических вопросов, испарилась от собственного бессилия и беспочвенности поприща, на котором ей суждено было развиваться.

Підготовка тексту до друку і примітки Ю. А. ПІНЧУКА.

²⁶ Архив кн. Воронцова, т. IV, с. 431.

²⁷ Архив кн. Воронцова, т. IV, с. 432.

Шановні читачі!

Нагадуємо, що журнал розповсюджується за передплатою, яка приймається всіма агентствами «Союздрук» без обмежень. Індекс — 74499. Ціна на рік — 21 крб. 60 коп., на півріччя — 10 крб. 80 коп., на квартал — 5 крб. 40 коп.